

Я УМИРАТЬ НЕ СОБИРАЮСЬ...

Обидно и горько, что долгая жизнь тоже имеет свой конец — Елены Николаевны Гоголевой не стало в возрасте девяноста трёх лет, семьдесят пять из которых прошли в стенах Малого театра.

Парадокс, но у Гоголевой не было пика популярности, хотя покинули мир большинство ее почитателей-современников, родились и успели возмужать послевоенные поколения зрителей, для которых она стала реликтом ушедшей эпохи, поскольку многие из них думали, что ее уже нет в живых. Но Гоголева жила, здравствовала и играла. И как играла! Она всегда и во всем была Гоголевой! Единственной и неповторимой.

Совсем юной пришла Леночка Гоголева в 1918 году в прославленный Малый театр и, никого не потеснив, заняла свое, только ей принадлежавшее место. Да и кого она могла потеснить, если другой актрисы такого плана не было и нет в театре?

Часто актриса играла роли, которые были уже сыграны другими исполнителями и признаны критикой совершенными. Но вот появлялась на сцене Гоголева, и по-новому раскрывались для зрителей Глафира и Мурзавецкая в «Волках и овцах», Софья и Хлестова в «Горе от ума», Кручинина и Коринкина в «Без вины виноватых», герцогиня Мальборо («Стакан воды»), княжна Плавутин-Плавунцова («Холопы»), леди Макбет, Панова («Любовь Яровая»), Лариса («Бесприданница»), Юдифь («Уриэль Акоста»)... И только Селина Муре из пьесы Ж.Сармана «Мамуре» не имеет аналогов на российской сцене.

Когда я шел впервые на встречу с Еленой Николаевной, мне представлялась избалованная вниманием актриса, обласканная правительством. Как-никак, Герой Социалистического Труда, народная артистка СССР, лауреат Государственных премий СССР (хотя, по правде, это были Сталинские премии первой степени), председатель всевоз-

мого величества театр, который отнимал все — семью, близких и друзей.

— А кино?

— О, когда-то я была страшной поклонницей кино, видела первых его звезд — Холодную, Полонского, Максимова, Мозжухина, восхищалась Гарольдом Ллойдом, Бастером Киттоном, Чарли Чаплиным. Когда великий немой заговорил, моим кумиром стала несравненная Бэтт Дэвис и, конечно же, очаровательная Франческа Гааль.

Но о карьере киноактрисы я поначалу не думала. А потом появилось желание и самой сняться. С первым моим фильмом «Тиран Падуанский» ничего не получилось — случилась революция. Кинопробы на главную роль в картине «Аэлита» были очень удачными, мне даже выдали аванс, но играла Ю.Солнцева. В середине тридцатых годов К.Эггерт пригласил сняться в фильме «Гобсек» с Л.Леонидовым. Получилось.

Если бы вы знали, как я радовалась этому. А то ведь частенько слышала, что я «не фотогенична», особенно, оканчивается, мешают мои брови. Но брить брови я не хотела. Хотя, положив руку на сердце, хочу сказать: а что бы играла Гоголева в советском кинематографе 30—40-х годов?

После войны стали снимать фильмы-спектакли, и мне поступило предложение от Л.Лукова сыграть в «Об этом забывать нельзя», который шел за границей под названием «Агент №13». Вот этим агентом я и была. Потом я еще сыграла у Лукова в картине «Две жизни». На этом все и закончилось. Не приглянулась я ни С.Бондарчуку, ни А.Зархи, ни С.Соловьеву. В «Войне и мире», «Анне Карениной», «Мелодиях белой ночи» мои роли сыграли другие актрисы. В общем, мой роман с кинематографом так и не состоялся.

— Зато состоялась ваша жизнь как выдающейся театральной актрисы и просто женщины.

— Ну легкой мою жизнь в театре не назовешь. Были времена, когда меня

можных комиссий, находящихся под патронажем руководства страны.

А увидел я удивительно скромного человека. Приветливые глаза чуть искрятся, словно решают для себя: «Что это еще за гусь пожаловал?». Волосы аккуратно зачесаны в пучок. Воротничок блузки схватывает элегантный бант, украшенный знаменитой брошкой с портретом М.Н.Ермоловой, обрамленным драгоценными камнями. Заметил мое внимание к драгоценной для нее реликвии, Гоголева сказала:

— За мою долгую жизнь мне неоднократно приходилось встречаться с выдающимися мастерами сцены, гениальными актерами, а вот кумиром для меня стала только Мария Николаевна.

— Елена Николаевна (а это было перед ее 90-летием), когда актер отмечает юбилей, у него принято спрашивать, ну как бы вам сказать...

— О творческих планах? Вас смущает мой возраст? Мол, бабка совсем стара, из ума выжила?

— Ну что вы...

— Не спорьте, молодой человек. Все так. Но я в ближайшие двадцать лет умирать не собираюсь. Столько еще всего нужно сделать. А пока давайте перекусим. И по маленькой рюмочке водочки. Не возражаете?

К моему стыду, я не возражал. Мне даже льстило, что сама Гоголева угощает меня, предлагая то один, то другой деликатес.

— Люблю, когда мужики хорошо едят, — сказала Елена Николаевна. — Сейчас себе это можно позволить. А я ведь помню, как мы жили в молодости. И голодали, и своего угла не было. Но был

просто не замечали. Молчала критика, новых ролей не предлагали. Даже было такое, что я в течение года была немой. Туберкулез не позволил мне говорить, а стало быть, лишил сцены. В середине восьмидесятых пришлось пережить целую полосу болезней и травм. Надо же было такому случиться — на старости лет сломать ногу. Катастрофа! Но появились «Холопы» П.Гнедича, и я снова на сцене моего любимого Малого театра.

В мои годы о личной жизни говорить как-то неприлично, но до сих пор помню, что пришлось пережить во время войны, когда сын Игорь ушел на фронт. Он был ранен. Получила я и похоронку, потом сообщение «Пропал без вести». Но верила, что сын жив. Сердце матери говорило: «Вернется». После победы узнала, сколько довелось ему пережить за годы плена, но это отдельная, почти фантастическая книга.

Она помолчала, и мы с фотокорреспондентом А.Гореловским не решались нарушить тишину.

— Ну что приуменьли? Тоску на вас навела. Заговорила вас, а вам пора в редакцию. Но не забывайте, звоните и приходите в гости. Чайку попьем из самовара, может, что еще вспомню.

... Мы все куда-то спешим, спешим. Редко звоним друзьям и близким, уже не говоря о визитах в гости. Сколько же мы теряем, не успевая общаться с самыми дорогими для нас людьми! А они вот так просто могут уйти, и больше уже никогда ты их не увидишь. И к о г д а

...орал: — Жена! За...